

На самом деле, белый юноша был старым знакомым Цинь Юя.

Когда Цинь Юй впервые попал в этот мир, до начала сюжета оставалось ещё очень много времени — несколько сотен лет.

В те годы он ещё не был Наследным принцем, а всего лишь не прошедшим превращение детёнышем дракона, к тому же родившимся с врождённой слабостью и вылупившимся на несколько столетий позже положенного срока.

Хотя Цинь Юй был старшим законным сыном Императора демонов, он не пользовался его любовью. У него был старший брат — Цинь Сюань, рождённый от Императора демонов и дворцовой служанки, которого Император демонов обожал.

К тому же мать Цинь Юя, Императрица Демонов, рано скончалась, а род её был слаб и не имел влияния, поэтому всему Миру Демонов не было дела до этого маленького господина. Отношение к Цинь Юю и к Цинь Сюаню, которого все носили на руках и окружали заботой, было как небо и земля.

К счастью, Цинь Юй не был настоящим ребёнком, и пренебрежение не причиняло ему слишком сильной боли. Он мог ещё общаться с Системой в своей голове.

Но тогда уровень Системы был низок, она повторяла одно и то же, и со временем Цинь Юй тоже начал чувствовать одиночество.

Даже сейчас Цинь Юй помнил это чувство: в роскошном дворце были бесчисленные слуги, но ни один из них не разговаривал с ним. Они относились к нему, как к драгоценной фарфоровой вазе — внешне почтительно, но с глубоко въевшейся отчуждённостью.

Позже Цинь Юй не выдержал и, едва научившись принимать человеческий облик, покинул дворец. За ним тянулся маленький хвостик, на голове торчали рога, и он носился повсюду.

«Носился» — сказано громко. На самом деле он просто отправлялся в те места императорского дворца, где было поменьше людей, и развлекал себя сам.

В тот день он, как обычно, покинул свои покои и пришёл на пустырь играть в одиночестве. Как раз прошлой ночью выпал сильный снег, всё вокруг стало белым, и землю укрыл слой снега.

Вспомнив, как лепить снеговика, он начал его мастерить. Когда работа почти была закончена, его нога внезапно поскользнулась, и он уже было подумал, что сейчас упадёт лицом прямо в снег, как вдруг кто-то подхватил его спереди и прижал к себе.

— Маленький, поосторожнее, — раздался голос.

Голос был холодным, но Цинь Юю показалось, что это самый прекрасный и самый тёплый звук, который он слышал с тех пор, как попал в этот Малый мир. Такой же тёплый, как и объятия этого человека.

Ему казалось, что он сможет удержать это тепло, но, увы...

Очнувшись от воспоминаний, Цинь Юй опустил взгляд на усыпанные белыми лепестками землю. В его глазах на мгновение всколыхнулась тёмная волна, но тут же улеглась.

Он поднял веки, посмотрел на собеседника и произнёс:

— Давно не виделись, Ваше Величество Император.

Тот, кого Цинь Юй назвал Императором — белый юноша — сначала поднял бровь, затем отменил бессмертное заклинание, явив своё истинное лицо. Оно было всё таким же, каким запомнил его Цинь Юй: брови — словно далёкие горы, глаза — осенняя вода, губы — алые без помады. Эта красота была редкой во всех Трёх Мирах, и даже главный герой Линь Хэ уступал ему. Однако из-за его высокого положения и чрезмерной внушительности люди часто не замечали этого.

— Не думал, что ты сможешь меня узнать, — сказал Сюнь Линь. Будучи Императором Мира Бессмертных, из всех Трёх Миров на равных с ним могли стоять разве что правители двух других миров. Он был исполнен абсолютной уверенности и невозмутимости, поэтому, даже будучи узнанным Цинь Юем, не потерял самообладания и смотрел на собеседника с тем же спокойствием.

Вдыхая холодный, но знакомый запах, Цинь Юй мягко улыбнулся:

— Конечно, узнал. Ведь величие Императора не скрыть за одной лишь внешностью.

Сюнь Линь холодно фыркнул, глядя на Цинь Юя оценивающим взглядом.

— Сколько лет прошло, а ты стал ещё более лстивым и болтливym. Но кое-что в тебе не изменилось.

— Что же? — Цинь Юй изобразил готовность внимать.

Сюнь Линь скривил губы, взгляд его стал холодным, и он медленно произнёс несколько слов:

— Ты всё такой же отвратительный.

Цинь Юй опешил.

— В этом Император тоже не изменился.

Всё так же, как и раньше, ненавидит его, хотя вначале всё было иначе.

Они расстались недовольные друг другом. Уходя, Сюнь Линь бросил:

— Не связывайся с Линь Хэ.

— Не связывайся с Линь Хэ, — повторил Цинь Юй и горько усмехнулся. Если бы мог... — Цинь Юй прижал руку к груди, где бешено билось сердце, а под ним — Ядро Дракона, — если бы мог, он хотел бы никогда с ним не встретиться.

Цзяо И стоял рядом, не зная, как реагировать. Ему хотелось утешить Цинь Юя, но он не находил слов.

Цзяо И слышал историю о прошлом Цинь Юя и Сюнь Линя. Но он, без сомнения, был на стороне Цинь Юя — ведь в том, что случилось с господином Цинь Сюанем, не было вины его господина. Сюнь Линь же всю свою злость выместил на Цинь Юе, что было крайне несправедливо.

*

Цинь Юй говорил, что, когда будет свободен, обязательно прогуляется по Миру Людей и вдоволь насладится тамошними пейзажами, но, вернувшись из Мира Бессмертных, он сразу направился в Мир Демонов — потому что Император демонов призвал его по делу.

Сейчас Цинь Юй и Цзяо И как раз шли в Павильон Опирающихся на Книги. Павильон Опирающихся на Книги был кабинетом Императора демонов, где проводились тайные совещания и принимали подданных.

Облака плыли рядом с ними, сбиваясь в клочья и рассеиваясь при каждом их движении, то сходясь, то расходясь, — изменчивые и непостоянные.

— Интересно, когда ещё удастся попасть в Мир Людей, — посочувствовал Цзяо И.

— Возможность всегда найдётся, — Цинь Юй, напротив, не придавал этому значения. Он побывал во многих Малых мирах, видел бесчисленные прекрасные виды — то величественные, то фантастические, — и пропустить один-другой раз было не страшно.

— Ваш сын приветствует отца, — едва войдя в Павильон Опирающихся на Книги, Цинь Юй низко поклонился.

Император демонов Цинь Юань, повелитель Мира Демонов, был высок и находился в самом расцвете сил, но всё его тело, казалось, было окутано пеленой смерти, отчего он производил впечатление дряхлого и унылого человека.

Увидев, что Цинь Юй кланяется, он нахмурился:

— Я же говорил: мы с тобой — отец и сын, эти пустые формальности ни к чему.

Цинь Юй усмехнулся про себя: «Тогда ты говорил иначе». Он посмотрел на Цинь Юаня и ответил:

— В императорской семье нет отца и сына — это тоже сказал отец.

Цинь Юань поперхнулся. Он открыл рот, глядя на Цинь Юя, но не мог вымолвить ни слова. Да, он действительно так говорил, но это было очень давно.

Он сделал глоток чая, чтобы скрыть неловкость.

— Сколько же тебе тогда было лет, что ты так хорошо запомнил?

— Именно потому, что был мал, и запомнил, — ответил Цинь Юй. Он помнил, как тогда, когда он был ещё ребёнком, Цинь Юань сказал ему: «В императорской семье нет отца и сына, нельзя упускать положенные церемонии».

Но Цинь Сюань, его единокровный старший брат, никогда не соблюдал этих церемоний перед ним. Что значит «в императорской семье нет отца и сына»? Всё зависит лишь от воли правителя. Если он любит тебя — ты его сын, если не любит — ты его подданный.

Услышав это, сердце Цинь Юаня прерывисто забилось, затем его затопила горечь. Он действительно был когда-то слишком холоден с Цинь Юем.

— Ладно, оставим это. Впредь всё будет по-твоему, кланяться или нет — твоё дело. Я хотел спросить о другом.

Цинь Юань на мгновение задумался и произнёс:

— Я хочу спросить: когда ты собираешься взять наложницу?

Взять наложницу?

<http://bllate.org/book/18608/1791739>